

В 1803 г. Ставропольское войско должно было формировать один тысячный полк, по примеру Оренбургского войска. В 1825 г. в десяти сотнях войска числилось 956 старшин и казаков. Но всего через 5 лет численность войска сократилась до 3571 души обоего пола. Было назначено специальное расследование о причинах такого катастрофического сокращения населения. Оказалось, что Калмыцкое войско умирало от какой-то неизвестной болезни.

Остатки вымершего Калмыцкого войска было решено в 1842 году присоединить к Оренбургскому войску. Всего было переведено 777 семейств. Остальные погибли. Земля войска в количестве 196,756 десятием переианые в ведение Министерства Гос. имуществ. Войско, просуществовавшее свыше ста лет, было упразднено. Переселившиеся калмыки вошли в состав Оренбургского казачьего войска. /Стол. В. Мин. 2. П. С. 3. т. XVII №-15.677./

10-XI-32. Прага.

---000---

Д-р. ЭР. ХАРА-ДАВАН.

КАЛМЫЦКИЕ СТУДЕНТЫ ПИОНЕРЫ.

Политика России к своим "инородцам" была известна и скопирована с принципа древних римлян - "разделяй и управляй", натравливай их друг на друга, держи в темноте, стараясь их руссифицировать, оправославить и за эти методы управления она справедливо получила название - "тюрьма народов".

Такова была политика и к Калмыцкому народу. Разделен и разбросан он был повсюду и понемногу: на Урале, под Оренбургом, на Тереке, у Волги, на Дону, в Ставропольи. Школ почти не было, если и были, то очень мало. Например, на 40,000 населения северной части Малодербетов была одна начальная школа на 25 мальчиков. Весь Калмыцкий народ имел в Астрахани одно калмыцкое двухклассное училище на 50 учеников с исключительной задачей выпускать столь необходимых в деле управления калмыками переводчиков, так как русские чиновники считали ниже своего достоинства изучать язык того народа, которым управляли.

Над всем Калмыцким народом была учреждена попечительная власть, подобно тому, как ставят попечителей над малолетними, глухонемыми, сиротами или слепыми. Это было тем более печально, что "попечительство" было установлено над потомками тех монголов, которые дали блестящую эпоху в мировой истории и помогли создать из удельно-вечевой, раздираемой на клочки Руси Московское царство Монна Грозного.

Так скудно было поставлено народное образование почти у всех калмыцких групп и это не потому, что не хватало средств, ибо школьные расходы делались из калмыцких общественных сумм, а потому, что просто запрещалось открывать школы без разрешения русской власти, а разрешения давались скупо. Несколько лучше было поло-

жение в отношении начальных школ у Донских калмыков благодаря их казачьему положению. Но здесь было одно странное явление: начальных школ было достаточно, поступающим в Сальское городское училище из станичных сумм давалось пособие в размере квартирной платы, но как только дело доходило до средней школы, то помощь уже оказывалась слабее или совсем не оказывалась, а учащимся или желающим учиться в высших школах почти совсем нельзя было достать помощь. Высшее образование могли получать только за свой счет, а следовательно немногие, состоятельные или имеющие связи для получения правительственных стипендий. Прибавлялось к этому еще и отрицательное отношение к русским школам и самой темной массы народа, видевшие в русских школах первым долгом руссификаторские мероприятия.

"Зачем так долго учиться, все равно дальше писаря в улусном управлении не пойдешь, помощником попечителя все равно не будешь" говорили часто калмыки. В этом была доля правды. Никто из окончивших высшее учебное заведение не мог найти устройства, поле деятельности, службу среди своего народа. Только мне удалось составить исключение только потому, что я - врач.

Это тоже был известный принцип русского правительства. Поляку не давали службу в Польше, литовцу в Литве, украинцу на Украине, а казаку в своих войсках, за исключением воинских частей в отношении казаков. И наряду с этим в административном аппарате по управлению Калмыцким народом не было ни одного человека с высшим образованием. Главным попечителем над Калмыцким народом был человек, окончивший городское училище /Овечкин/ и лишь в самое последнее время стали появляться люди с высшим образованием. А попечителями и помощниками попечителя чаще всего бывали люди с "домашним" образованием, да к тому еще всякие отбросы центра: вяточкики, пьяницы, грубияны, драчуны, нередко и проворовавшиеся чиновники.

Трудность доступа в высшие школы, создаваемая дальностью и связанными с этим большими расходами, несознательное отношение к делу образования со стороны народной массы, отрицательное отношение местной русской власти - вот те трудности, которые приходилось преодолевать калмыкам юношам, пожелавшим получить доступ к среднему и высшему образованию.

Калмыцкие студенты пионеры появились у Астраханских, Ставропольских и Донских калмыков одновременно в 1906 году. То были: студент-юрист Бадьма Уланов, курсистка высших женских курсов Данара Уланова из Донских калмыков; студент-политехник Ифрим Чонов из Ставропольских калмыков; студент-юрист и ученик консерватории /уже тогда талантливый виолончелист, к сожалению умерший не окончив школы/ Доржи Манджиев, студент-юрист Б. Муцаганов /также умерший не окончив/, студенты восточного факультета Намто Очиров, Гаря Хенгоров и Бадьма Санзыров; студент-юрист Санджи Баянов и студент-медик Эренжен Хара-Даван - из Астраханских калмыков. Все перечисленные пионеры были в Петербургском университете, политехникуме и военно-медицинской академии. Кроме них в Казанском ветеринарном институте были - Санжа Чимонжаев, П. Кутузов и Абуша Цебеков.

Выбор Петербургского университета всеми, кроме трех ветеринаров, объясняется тем горячим стремлением к большому научно-культурному

центру, где были сосредоточены лучшие научные силы, а пионеры поистине жаждали знания и света, чего, казалось невозможно было получить в провинции.

Надо принять во внимание, что мы кончили средние школы после первой русской революции 1905 года. нас захватила общая волна освободительного движения в русской общественности. Эта волна сильнее всего была именно в среде Петербургского и Московского студенчества. Известно, что русское студенчество было самой идейной и радикальной частью этого движения.

Очутившись в Петербурге мы сразу оказались в центре этого движения. нас подхватила общая идейная волна студенчества того времени. В первое время робко, после гимназических окамей с их классными надзирателями и строгими учителями, а затем все смелее и смелее мы стали посещать в разных местах, то в университете, то на Васильевском острове, то в политехникуме на Лесной, или в инженерном институте лекции разных знаменитостей того времени на самые различные темы.

В первый учебный год у нас буквально времени не хватало. Надо аккуратно посещать лекции, хотя не всегда интересные, больше по усвоенной в гимназии привычке не пропускать уроки, а затем бегать по длинному коридору рассматривая все объявления и афиши о лекциях, кто, где и что читает, а потом сесть на конку, чтобы не пропустить.

В наших сердцах, как и вообще студентов того времени, помимо профессоров, насыщенных научными доктринами, завидное место занимали и разные политики, члены государственной думы, часто выступавшие с публичными докладами на разные "животрепещущие" темы, главным образом с критикой абсолютистического строя. Видные представители русской общественности с трибуны думы, с университетских кафедр и вообще где только можно, как оговорившиеся, жесточайшим образом, на разные лады, поносили "проклятое" самодержавие, будоража горячие головы российской учащейся молодежи.

В наших головах происходили сдвиги, шла быстрая переоценка ценностей. Нам казалось, что стоит только уничтожить "проклятое" самодержавие, как начнется по необъятной Российской Империи райская жизнь.

Когда каждый из нас в достаточной степени напитался этими настроениями, у нас, у студентов калмыков, назрела необходимость всем собраться, обменяться мнениями.

Инициативу созыва взял я и однажды пригласил всех студентов калмыков к себе. В кратких словах мною была выражена мысль о потребности калмыкам студентам сорганизоваться. Тут же были выработаны цели и задачи нашей будущей национальной организации. Конечно, теперь нельзя точно вспомнить кто и что говорил и предлагал на этом первом собрании первых пионеров калмыцкой интеллигенции в европейском смысле этого слова. Поэтому я буду передавать о том, что нами обсуждалось без упоминаний имен, насколько мне запомнилось, как участнику. Не помню точную дату собрания. Это было зимой 1906 года около Рождества.

В начавшихся обильных прениях выявились следующие бесспорные для каждого из нас положения:

I/ Нам, немногочисленным студентам калмыкам, нецелесообразно разбрасывать свои силы, входя в разные многочисленные российские полити-

29
 тические партии. 2/Все пришли к заключению, что нам надо заложить национальную организацию, какую решили назвать: "Улан Залатэ". 3/Организация имела цель - освободить Калмыцкий народ от попечительской власти русских и передать таковую самому Калмыцкому народу. 4/Установить всеобщее бесплатное народное просвещение. 5/Провести меры к поднятию животноводческого хозяйства с рациональной его эксплуатацией, как главной основы тогдашнего калмыцкого народного хозяйства. 6/Решено было немедленно приступить к собиранию книг и приступить к изучению истории и литературы своего народа. Этот пункт был принят после того, как нами было констатировано, что власть сознательно держит нас в неведении в смысле познания своей истории, чтобы не пробудилось у нас национальное самосознание, что неизбежно повело бы к попыткам национального возрождения, что не было в интересах руссификаторской политики.

Соответственно с обстановкой того года, когда самодержавие, хотя и значительно расшатанное "пробной" революцией 1905 года, все же торжествовало победу, подавив все вспылки революции, наши требования не шли дальше национально-территориальной автономии. Нам представлялось, что с установлением демократической власти исчезнут все нежелательные для нас мероприятия русской центральной власти и народу нашему будет дано все, что в интересах его экономического и культурного прогресса.

Внутренняя же жизнь Калмыцкого народа представлялась нам также демократической, опирающейся на воле национального народного съезда, составленного из аймачных и улусных представителей.

После принятия такой программы "Улан Залатэ" шли обсуждения о способах осуществления, каковая часть, в целях конспирации, не вносилась в программу. Конечно, выяснилось, что мы можем достичь своих целей только через революцию, которая свергла бы самодержавие и установила бы демократическую форму правления, "демократическую, федеративную республику". С этой целью нам надо было работать вместе или в контакте с теми партиями, которые в своих программах соответствовали нашим требованиям. Отсюда следовало, что мы должны идти на сближение с левыми партиями. Отдельные члены "УЗ" посещали даже конспиративные собрания нелегальных партий, хотя никто не входил в их состав в качестве членов.

Были среди нас и так называемые "белоподкладочники" /те, которые носили установленный форменный мундир на белой подкладке/, симпатии которых, однако, не шли дальше к-д., но подавляющее большинство явно тяготело к социалистам. При этом должен заметить, что о принадлежности того или иного нашего члена к той или иной партии можно было делать заключения лишь на основании личного впечатления, но никак из собственных признаний, так как в то время, когда шло торжество "черной реакции", не принято было задавать друг другу столь деликатные вопросы и каждый держал свои убеждения как бы в конспирации, чтобы арест одного не повлек за собой ареста и других.

Собраний "УЗ" было всего несколько. Путем совещаний мы пришли к выводу, что "УЗ" есть нелегальная национальная организация и что если власть обнаружит наши собрания или устроит у кого либо обыск, то нам угрожает минимум - лишение наших стипендий, хотя бы они шли из калмыцких общественных сумм, а может быть и ссылки или Бутырка.

Было решено, что ни один из нас не имеет морального права идти этим путем, чтобы не расходовать бесполезно национальные силы. Мы должны были кончить наше образование, а потом идти служить своему народу.

Поэтому, в виду особенно участвовавшихся обысков у студентов и в связи с трудностями, возникающими с нашими собраниями, на одном собрании было решено перевести "УЗ" на "свернутое состояние" до наступления более благоприятных условий. По тем же соображениям конспирации у нас не было и президиума, программу и другие документы решено было сжечь, что и было мною исполнено, так как они хранились у меня.

Как компенсация этой, нашей принужденной пассивности, мы решили усиленно приняться за изучение родного народа. Так как нам не были известны источники для этого, то мы познакомились и просили указаний у профессоров монголоведов - Котвича, Руднева и Рамстедта. Но и они не дали нам нужного, как вижу теперь. Так, например, они не дали нам познакомиться с историей монголов Рашид-ад-Дина: "Сокровенное сказание о Чингис Хане", с которым я познакомился уже здесь из библиотеки проф. Котвича при составлении своего труда о Чингис Хане.

Тем не менее, мы, члены "УЗ", путем членских взносов собрали небольшие средства и на них накупили у букинистов старые книги о калмыках. Всего было собрано около десятка книг. Главным образом это были сочинения разных путешественников: акдем. Палласа, Нефедьева, труды ученых: Новалевского, Галстунского и бывшего "попечителя" Костенкова. Между прочим была найдена у одного букиниста редкая и ценная книга: "Кумо-Маньчжурская экспедиция ген. Шилинского в пятидесятых годах", исследование Калмыцкой степи в геологическом отношении и ее флоры и фауны. Вырытые этой экспедицией колодези в безводных степях отчасти сохранились и до сих пор.

Таким образом, студенты пионеры обратили всю свою энергию на путь самоизучения, самопознания. Кто какой отраслью интересовался, тот тем и занимался. Я лично интересовался аграрным вопросом, как отраслью наименее у нас развитым, но которому суждено стать одним из жизненных факторов народного хозяйства. Здесь я убедился, что самым важным в земельном вопросе является необходимость остановить русскую колониционную волну, которая постепенно вытесняла наш народ на худшие земли, захватывая все более или менее годные части.

Изучение и других отраслей, знакомство с политическими и экономическими вопросами неизбежно приводило всех членов "УЗ" к необходимости остановить руссификаторскую политику в отношении нас. С этих пор вопросы характера политического стали довлеть над всеми другими. В дальнейшей жизни наше студенчество в этом направлении развивалось каждый самостоятельно вплоть до окончания высшей школы.

Нельзя не упомянуть, что в то время многие не только студенты, но учащиеся в средних школах наши последователи, во многих случаях заболели в новых условиях городской жизни туберкулезом, бросали школы или, не окончив, умирали. О причинах такого явления я буду говорить особо в одном из будущих своих статей. Из наших товарищей, упомянутых пионеров умерли от чахотки: Дорджи Манджиев, Муца-

